

Ана Мирра

Личная
НЕПОГОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ана Мирра

Личная непогода

«Автор»

2026

Мирра А.

Личная непогода / А. Мирра — «Автор», 2026

Дарья Белова привыкла фиксировать лишь тени и свет. Она — талантливый фотограф, отличница и девушка, которая всегда играет по правилам. До той ночи, когда в её жизнь ворвался настоящий шторм. Алексей Викторович Негода — доцент кафедры эстетики, коллекционер редких книг и главный «ледяной король» университета. Строгий, недоступный, безупречный. Никто не знает, что под маской холодного академика скрывается мужчина, который сходит с ума от одной студентки. Их тайная связь — это игра на грани фола. Каждый взгляд на лекции, каждое случайное прикосновение в закрытом архиве, каждый украденный поцелуй в темной фотолаборатории приближает их к роковой черте. Ведь если их тайна раскроется, он потеряет карьеру и имя. А она будет отчислена с позором. Но когда против них начинает плести интриги опасная соперница, Дарья понимает: чтобы спасти того, кого любишь, иногда нужно самой стать штормом. Готовы ли вы заглянуть туда, где темно, жарко и опасно?

© Мирра А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ана Мирра

Личная непогода

Пролог

Я всегда считал себя человеком абсолютного, монументального контроля. Пятнадцать лет я скрупулезно выстраивал свою жизнь как безупречную, сухую академическую композицию: строгие дорогие костюмы-тройки, безукоризненный порядок в бумагах на кафедре, монотонные лекции об эстетике Возрождения и непоколебимая репутация человека, которого физически невозможно вывести из равновесия. Коллеги с легким трепетом называли меня между собой «ледяным монахом», и мне искренне нравилась эта тяжелая ментальная броня. Она служила идеальным щитом, защищавшим мой упорядоченный мир от хаоса, глупости и чужих эмоций.

Пока на последнюю парту моей аудитории не села Дарья Белова. С этого момента вся моя броня пошла глубокими трещинами.

Сейчас я стою у огромной деревянной профессорской кафедры, методично переворачивая очередную хрустящую страницу лекционного конспекта. Мой голос звучит ровно, весомо, уверенно, заполняя собой душное, замершее пространство амфитеатра. Я вещаю студентам о светотени в полотнах Караваджо, о том, как густая, непроницаемая темнота подчеркивает первозданную чистоту света. Но каждое мое слово — это ложь. Самая большая, постыдная и смертельно опасная ложь во всей моей безупречной жизни. Потому что мои глаза, вопреки здравому смыслу, логике и жестким рамкам профессиональной этики, неотрывно фиксируют только одно яркое пятно в этом зале — её светлые, шелковистые блондинистые волосы.

Даша сидит, низко наклонив голову над открытой крышкой ноутбука. Тонкая, плотно облегающая черная водолазка подчеркивает её изящные, хрупкие ключицы и округлую, волнующую грудь. Она старательно делает вид, что конспектирует каждое мое слово. Но я слишком хорошо знаю, какой порочный хаос скрывается за этой маской прилежной отличницы. Я слишком отчетливо, до боли в висках помню то, о чем мы оба теперь повязаны молчать под угрозой полного уничтожения.

Под этой плотной черной тканью, на её нежной, бархатистой коже бёдер, всё еще бледнеют едва заметные, синеватые следы моих собственных тяжелых пальцев. Я разглядывал их сегодня утром в своих воспоминаниях, и эта картинка едва не свела меня с ума.

Внутри меня, прямо под строгим жилетом, разгорается глухой, удушающий пожар, от которого во рту в секунду становится сухо. Стоит мне замолчать хотя бы на миг, как звенящая тишина аудитории взрывается в моих ушах воспоминаниями о той безумной ночи. О том, как я грубо затолкнул её в прихожую своей квартиры, намертво прижал спиной к ледяной стене и, перехватив её хрупкие запястья одной рукой над головой, рванул подол этого черного платья вверх. Я помню, как входил в неё пальцами — резко, глубоко, заполняяще, чувствуя её тягучую, обжигающую влагу. Я помню вкус её губ, её рваные, бесстыдные стоны, то, как она иступленно скулила мне в шею, умоляя не останавливаться и брать её еще жестче. Я стою перед сотней студентов, а в моих ладонях до сих пор горит физическое воспоминание о том, как тесно, пульсирующе и горячо её лоно сжималось вокруг моего члена, когда я вбивался в неё всем весом на постели.

Даша внезапно поднимает голову. Наш взгляд встречается через пространство зала всего на долю секунды. В её больших зеленых eyes нет и капли страха перед строгим профессором Негодой. Там плещется та же самая запретная, первобытная страсть, которая медленно, но верно уничтожает нас обоих. Под моим пристальным, тяжелым взором её соски заметно твер-

деют, отчетливо проступая сквозь ткань водолазки, и она едва заметно, судорожно сжимает бёдра под партой. Она помнит всё. Она пульсирует от этих воспоминаний точно так же, как и я.

Я совершил самую страшную, непоправимую ошибку в своей карьере. Я впустил эту девочку под свою кожу, под свою куртку, и теперь я стою на самом краю обрыва. Если наша тайная связь раскроется, я потеряю имя, должность и всё, что строил долгие годы, а её с позором вышвырнут из университета. Но глядя на её приоткрытые, искусанные губы, я отчетливо понимаю: мне абсолютно плевать, что ждет меня внизу. Я уже проиграл эту битву собственной плоти.

Глава 1

Бар гудел низко и густо, как растревоженный улей. Дарья Белова сидела у стойки, медленно вращая соломинку в стакане, и наблюдала, как тает лёд. Прозрачные грани оседали, теряя форму, словно её собственная решимость. Сегодня она впервые за три года учёбы позволила себе сорваться с поводка. Никаких конспектов в голове. Никакой маски идеальной отличницы, намертво приросшей к лицу. Только шёлк чёрного платья, дразняще соскальзывающий с обнажённого плеча, и глухое, отчаянное желание, чтобы хоть кто-то увидел её настоящую.

Она почувствовала этот взгляд кожей раньше, чем осознала ментально. Тяжёлый. Сканирующий. Внимательный. Такой, от которого между лопаток мгновенно вспыхивает удушающий жар, будто к обнажённой пояснице приложили горячую ладонь. Дарья медленно подняла глаза.

Он стоял у самого конца стойки — высокий, широкоплечий, порочно красивый в чёрной рубашке с небрежно расстёгнутой верхней пуговицей. Смотрел только на неё. В его потемневших глазах сквозило хищное узнавание. Не наглое, но собственническое. Словно он уже знал, как звучит её голос, когда она полностью теряет контроль над собой. Словно видел её насквозь — до самого дна, до тайных грешных мыслей.

Он подошёл неспешно, с грацией уверенного в своей силе мужчины, привыкшего брать своё без долгих прелюдий. От него пахло дорогим табаком, кедром и озоном — густым запахом грозы, которая ещё не разразилась, но уже заставила воздух искрить.

— Вы выглядите так, будто потеряли что-то очень важное, — его голос оказался низким, с хриплой вибрацией, которая мгновенно отозвалась острой пульсацией где-то внизу её живота.

Дарья заставила себя дерзко вскинуть подбородок, глядя в его серые, холодные глаза: — А вы всегда так начинаете разговоры с незнакомками?

— Только с теми, кто смотрит в пустоту так, будто готов добровольно упасть в неё.

— Алексей, — представился он, сокращая дистанцию до опасного минимума.

— Дарья, — выдохнула она, чувствуя, как её окутывает его тепло.

Они не договаривались словами. Всё случилось само, на уровне животных инстинктов. В полумраке такси его крупная, горячая ладонь легла на её колено и медленно, с тягучим нажимом поползла вверх по бедру, задирая подол платья. Дарья непроизвольно раздвинула колени, шумно втянув воздух. Ей было абсолютно плевать, видит ли их водитель в зеркало заднего вида. Весь мир сузился до этих пальцев, до этого властного, уверенного движения по её обнажённой, чувствительной коже.

— Скажи мне остановиться, — обжигающим шепотом приказал он ей прямо в ухо, и его тяжелое дыхание опалило шею.

— Не смей, — со стоном выдохнула она, выгибаясь навстречу его руке.

В его квартире свет включать не стали. Он затолкнул её внутрь, мгновенно прижал спиной к ледяной стене прихожей и, грубо перехватив её запястья одной рукой над головой, задрал подол платья. Алексей вошел в неё пальцами — сразу глубоко, по самые костяшки, заставляя её захлебнуться воздухом. Дарья вскрикнула, но он жестко накрыл её рот своими губами, впинаясь в голодном, глубоком поцелуе и проглатывая этот звук.

Напряжение, копившееся годами, взорвалось. Он развернул её, поставил на четвереньки, упираясь ладонями в стену, и вошёл сзади — одним мощным, заполняющим, жёстким толчком до упора. Дарья всхлипнула от накатившего удовольствия. Алексей двигался глубоко, сильно, вбиваясь в её тело всем весом и крепко удерживая за бедра так, что его пальцы наверняка оставили багровые следы. Она кончила первой, сжимая в кулаках воротник его рубашки, кусая соб-

ственное запястье, чтобы не закричать на весь дом. Он завершил следом — с низким, утробным стоном вонзился в неё в последний раз и уткнулся лицом в её мокрую от пота шею.

Утром его уже не было. На подушке осталась лишь записка, выведенная твёрдым, размашистым почерком: «Спасибо за эту ночь. А. Н.». Дарья сжала бумагу в кулаке, чувствуя, как сладко ноет всё тело, до сих пор помнящее его дикую силу.

Глава 2

Аудитория гудела, когда Дарья скользнула на последнюю парту. Милана тут же наклонилась к ней, нервно поправляя лямку топа и заговорщически понизив голос: — Слышала? Нам поставили нового препода по эстетике. Говорят, он в прошлом году вёл у третьего курса. Красавчик, но ледяной до ужаса. Ни одной девчонки к себе не подпустил, полный игнор. Настоящий монах!

Дарья криво, горько усмехнулась, открывая крышку ноутбука. Монах. О да. Если бы Милана только знала, как этот «монах» несколько часов назад держал её за бёдра, вбивался в неё до судорог и заставлял скулить в подушку.

Дверь аудитории резко открылась. Шум стихал не постепенно — он умер мгновенно, задущенный появлением одного-единственного человека.

К профессорской кафедре шёл он. Тот самый мужчина из бара.

Безупречный тёмный костюм-тройка, строгие очки в тонкой оправе, темные волосы идеально зачёсаны назад. Только одна непослушная прядь выбилась и лежала на виске — единственная деталь, выдававшая его ночное безумие.

Его запах дошёл до Дарьи раньше, чем он поднял глаза. Холодный кедр, дорогой табак, озон. Запах их ночной грозы. У Дарьи мгновенно, болезненно стянуло низ живота тягучим теплом. Тело моментально вспомнило всё: вес его тела, жесткий ритм движений и то, как он хрипло рычал ей в волосы, когда кончал.

— Добрый день. Меня зовут Алексей Викторович Негода. Я буду вести у вашего курса эстетику.

Негода. Фамилия ударила сильнее, чем пощечина. Непогода. Её личная, смертельно опасная непогода, обрушившаяся на её правильную жизнь.

Его серые глаза медленно, сканирующе прошлись по рядам студентов и остановились на последней парте. Всего на секунду. Но в этом коротком визуальном контакте было всё: их тёмная прихожая, её бесстыдные стоны, его пальцы внутри неё. Он требовал, чтобы она молчала и делала вид, будто они незнакомы. В его взгляде не было и капли тепла. Только жёсткая, почти злая фиксация факта. Он знал. Она знала, что он знает.

— Я требую полного, абсолютного внимания на своих лекциях, — отчеканил он, глядя прямо на Дарью.

Она опустила глаза на клавиатуру, чувствуя, как крупно дрожат пальцы. Под плотной тканью водолазки соски стали твёрдыми от одного его голоса, и она мысленно молилась, чтобы никто в аудитории этого не заметил. Между ног пульсировало так сильно, что хотелось сжать бёдра до боли.

Милана наклонилась ещё ближе, обжигая сплетнями: — Дар, ты видела, как он на тебя посмотрел? Прямо буравил! Ты ему уже где-то насолить успела?

— Просто не выпалась, — тихо, пересохшими губами ответила Дарья.

Если бы её подруга знала, чьи ладони оставили на бёдрах Дарьи синяки, которые она еще утром испуганно разглядывала в зеркале ванной...

Лекция тянулась как в тумане. Дарья не слышала ни слова про эстетику Возрождения. Она физически осязала его взгляд каждый раз, когда он поворачивался к залу. Казалось, он нарочно говорит чуть тише, бархатным баритоном, заставляя её смотреть на движение своих губ и вспоминать, как эти самые губы хладнокровно целовали её грудь, живот и внутреннюю сторону бёдер.

Когда прозвучало финальное «можете быть свободны», Дарья первой схватила сумку и почти выбежала в душный коридор. Ей отчаянно нужен был воздух. Возможность перестать дышать его парфюмом, который, казалось, вьелся под кожу и осел в лёгких.

Глава 3

Закрытый фонд редких книг пах пылью, сухой бумагой и изоляцией. Дарья шла между высокими чугунными стеллажами в полумраке библиотеки, вода узким лучом фонарика по старинным корешкам. Ей нужен был Оскар Уайльд — редкое иллюстрированное издание для курсовой. И для того, чтобы хоть на час перестать сходить с ума по своему профессору.

Она нашла нужный том, осторожно сняла его с полки и, проведя пальцем по шершавой пожелтевшей странице, тихо, одними губами прошептала в пустоту: — Единственный способ отделаться от искушения — поддаться ему...

— Вы цитируете Уайльда в оригинале или предпочитаете классический перевод, Белова?

Низкий голос прозвучал так близко, прямо над её ухом, что Дарья вздрогнула всем телом. Тяжелая книга едва не выскользнула из её ослабевших рук, но сильная, горячая мужская ладонь перехватила её прямо в воздухе.

Алексей Викторович стоял в полумраке стеллажей, практически вжимая её в полку. Его пиджак был расстегнут, галстук ослаблен, а верхняя пуговица рубашки снова открывала вид на сильную шею. Здесь, вдали от чужих глаз, с него частично слетела профессорская броня, но взгляд оставался пугающе тёмным.

— Белова, вы хоть понимаете, чем вам грозит нахождение здесь? — хрипло спросил он.

— Мне нужна была книга... — выдохнула она.

Его взгляд скользнул ниже — на её тонкие пальцы, испачканные проявителем для пленки. Он сделал ещё один шаг, лишая её кислорода. Запах кедра и табака ударил в голову, как чистый спирт. Дистанция между ними сократилась до нескольких сантиметров — так близко, что она слышала рваный стук его сердца.

— Я надеялся, что ошибся, — тихо, почти зло произнес он, и его голос сорвался на ту самую ночную хрипотцу, от которой у Дарьи мгновенно подогнулись колени. — Когда увидел вас на лекции, подумал: это безумие. Та девочка из бара была просто галлюцинацией, совпадением. Но вы крадетесь сюда и цитируете Уайльда.

Дарья прижалась спиной к холодному металлу стеллажа. Бежать было некуда. — Вы знали, что это я?

— Догадывался. И молил бога, чтобы это было не так. Потому что если вы — это вы... то я в огромной, блять, опасности, Дарья.

Он резко поставил книгу обратно на полку прямо над её головой, создавая своей фигурой осязаемую клетку из мужского тепла и силы.

— Почему? — сорвалось с её губ.

— Потому что я до сих пор чувствую, как твоё тело сжималось вокруг моих пальцев. Как ты умоляла не останавливаться, — он наклонился ниже, почти касаясь губами её чувствительной мочки уха. — И теперь мне каждый день приходится читать лекции, смотреть на тебя и знать, какой невероятно порочной ты бываешь, когда теряешь контроль.

Его длинные пальцы легли ей на шею. Легко, но собственнически. От этого простого касания между ног Дарьи снова стало горячо и мокро.

— Это было ошибкой, — попыталась соврать она.

— Уайльд говорил, что единственный способ избавиться от искушения — поддаться ему, помнишь? — его большой палец с нажимом провёл по её нижней губе, заставляя её приоткрыть рот. — А я очень плохо умею отказываться от того, чего хочу до безумия.

Он отстранился так резко, словно ударил сам себя. Взгляд мгновенно стал непроницаемым, профессорским: — Завтра в шесть вечера. Мой кабинет. Не опаздывайте, Белова.

Он ушел, оставив её одну в темноте. Дарья медленно сползла по металлическому стеллажу на пол, тяжело и прерывисто дыша. Губы горели от его прикосновения, а тело пульсиро-

вало от дикого желания. Она поняла, что попала в ловушку. И он только что признался, что заперт в ней вместе с ней.

Глава 4

Дарья стояла перед дверью кабинета 304 ровно в 17:55. Сердце колотилось где-то в районе горла, ладони были влажными. Она коротко постучала.

— Войдите.

В его голосе слышалось глухое, звенящее напряжение — как туго натянутая тетива лука.

Кабинет профессора Негоды был его точным отражением: строгий, дорогой, идеально упорядоченный. Ни одна деталь не выдавала в нём мужчину, способного жестко брать студентку у стены в прихожей. Алексей стоял у огромного окна спиной к двери. Его пиджак висел на кресле, а рукава белоснежной рубашки были закатаны до локтей, обнажая сильные, рельефные предплечья с тонкими венами. Дарья поймала себя на том, что жадно разглядывает их, вспоминая, как эти руки держали её бёдра.

— Садитесь, Белова.

Дарья села на жесткий стул, выкладывая на стол папку со своими фотографиями: — Я принесла материалы к курсовой, как вы просили.

Он медленно повернулся. Выглядел Негода так, будто не спал несколько суток: на лице залегли глубокие тени, появилась жесткая щетина, а в серых глазах горела глухая, темная мука. Он подошел к столу, но не сел, а мертвой хваткой вцепился пальцами в край столешницы так, что побелели костяшки.

— Дарья, — хрипло произнес он, окончательно отбросив фамильярность. — Ты хоть понимаешь, что здесь происходит?

— Я принесла работу...

— К чёрту работу! — он резко провёл рукой по волосам, окончательно уничтожая образ безупречного преподавателя. — Я не могу выкинуть тебя из головы. Я стою у кафедры, читаю лекцию, но вижу только тебя. И вместо гребаной эстетики я вспоминаю, как ты выгибалась подо мной на полу. Как сжимала простыни и кричала моё имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.